

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф53

Филиппов, Петр.

Ф53 Я был в расстрельном списке / Петр Филиппов. — Москва : Алгоритм, 2016. — 288 с. — (Крах СССР. Свидетельства очевидцев).

ISBN 978-5-906798-88-6

На какие деньги распался СССР, а к власти пришли радикальные либералы? Больше двадцати лет прошло с момента гибели СССР, а мы так ничего и не знаем о трагической подоплеке тех лет. И на многие вопросы ответ может дать только Петр Филиппов. Автор идеи приватизации, легендарный руководитель Ленинградского Народного фронта рассказывает о том, как он финансировал Гайдара, спасал от смерти семью Чубайса, откуда брали деньги перестроечные демократы и кто приговорил его к расстрелу.

Эта книга займет достойное место рядом с «Властью в тротиловом эквиваленте» Михаила Полторанина.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906798-88-6

© Филиппов П., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание
КРАХ СССР. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Филиппов Петр
Я БЫЛ В РАССТРЕЛЬНОМ СПИСКЕ

Редактор *О.В. Селин*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.11.2015.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.
Тираж экз. Заказ

Эта книга — попытка поделиться с читателем опытом решения нестандартных задач, показать, что обычный человек может многое. Надо только очень хотеть и упрямо стремиться к цели. Даже если цель такая неподъемная, как введение в России института частной собственности и установление рыночных отношений. Дорогу осилит идущий!

Натужно ревели двигатели самолета. Я сидел в кресле, рассеянно глядя в иллюминатор. Кто-то тронул меня за плечо и положил передо мной на столик раскрытую книгу. На ее странице был напечатан список «врагов народа», подлежащих расстрелу, если сторонники авторов книги придут к власти. Первым в этом списке стоял Борис Ельцин. Мое место было почетное — восьмое.

За что такая ненависть? Наверное, за то, что был соавтором законов о частной собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности. А когда встал вопрос об ограничении рамками права стихийной приватизации, возглавил Подкомитет по приватизации Верховного Совета России, разрабатывал законодательство о приватизации. Короче, расстрелу подлежал за то, что старался вернуть в Россию рынок и капитализм, вывести ее из исторического тупика административно-командной системы.

ТЮЛЬПАНЫ

Дискуссия о высшем образовании. «Белый бунт»

Плывите против течения и тогда вы увидите другую сторону этой жизни.

Арсентий Трук

Все началось, наверное, с институтской дискуссии о высшем образовании. До четвертого курса я общественную активность не проявлял. Учился на инженера-радиотехника в Ленинградском институте авиационного приборостроения и подрабатывал программистом в вычислительном центре. А еще читал переводные книжки по экономической кибернетике. Они-то меня и завели.

Передо мной встали вопросы: по каким критериям чиновники принимают решения? Кто отвечает за результат и достоверность исходной информации? Как они умудряются управлять народным хозяйством так, что везде и во всем дефицит, за всем очереди? Вопросы для того времени крамольные. Они раздражали нашего преподавателя по научному коммунизму, который вел в группе семинар. А моим товарищам вопросы нравились. Преподаватель пытался меня образумить, но безуспешно. Пришлось наказать. Поставил тройку на экзамене, чтобы лишить стипендии. Друзья смеялась: «Ты лучше всех нас в экономике разбираешься, а схлопотал три балла. Не выступай!».

Но вопросы, возникнув, понуждали к действиям. И как-то само собой получилось, что меня избрали заместителем секретаря факультетского бюро ВЛКСМ по идеологии. По какой идеологии? По марксизму-ленинизму? В те времена таким вопросом не задавались. Отчитывались перед райкомом ВЛКСМ вывешенным в коридоре плакатом: «Советское — значит, отличное!» А мне хотелось большего. Не просто понимать причины и следствия происходящего, а навести порядок. Хотелось перемен, если не в стране, то хотя бы в том, как нас учат.

Из журнала «Социалистическая Чехословакия» я узнал, что в этой стране специалистов готовят совсем не так, как у нас. У них главным было научить студента самостоятельно решать вопросы по специальности — находить и устранять неисправности приборов и машин, проектировать и испытывать новые изделия. Не заучивать формулы, чтобы после экзамена их забыть, а уметь разбираться в проблеме, пусть даже с инструкциями и справочниками в руках. Этот подход отчасти напоминал наши курсовые проекты. Но у нас это было исключением, а у них весь процесс был настроен на обучение практическим навыкам. Разница огромная.

Это проявлялось на экзаменах. У нас ответил на вопросы билета — и свободен. У них студенту дают задание, скажем, спроектировать каскад радиоусилителя. Он может пользоваться конспектами и книгами, но не вправе с кем-то советоваться. Цель экзамена — проверить умение работать в условиях, близких к реальным. Естественно, такой экзамен требовал много времени, и студенту на него давался целый день.

А наши выпускники не умели ни проектировать, ни разрабатывать технологические процессы, ни проводить простейшие эксперименты. Если выпускнику повезло, и

он попал в хорошую «контору», где у него появлялся заботливый наставник, то через несколько лет он, возможно, и станет специалистом. Но это, если повезет.

Я решил, что лучшей идеологической работой среди студентов будет дискуссия об образовании. Ее тему мы определили поэтически: «Что есть студент — сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Нашли в Ленинградском электротехническом институте пожилого профессора, который по собственной инициативе учил и экзаменовал студентов по методике, похожей на чешскую. Пригласили его на дискуссию, не забыли позвать своего ректора и преподавателей с наших кафедр. Загодя подготовили несколько аргументированных выступлений студентов.

Ректор на инициативу посмотрел косо: «Будете еще указывать, как вас учить!». Тем не менее на дискуссию пришел и попытался выставить чужаком приглашенного профессора. Но были и выступления преподавателей в нашу поддержку. Впрочем, большинство из них, вторя ректору, упирали на личные качества самих студентов: «При чем тут система? Если хочешь, то научись! Вы сами гонитесь за оценками, а не за знаниями, сдаете экзамены ради диплома». Они, конечно, были правы, у нас действительно в стране в цене бумажка, а не квалификация. Однако проблему неэффективности советской системы высшего образования это не снимало. Студенты же чужого профессора горячо поддержали.

Но настоящие испытания для меня наступили позже. Никиту Хрущева его коллеги по Политбюро ЦК КПСС сместили с должности первого секретаря, проще говоря — лишили статуса верховного правителя страны. Спустя некоторое время Верховный Совет СССР единогласно проголосовал за то, чтобы разрешить крестьянам иметь

домашний скот. Мы удивились. Ведь при Хрущеве Верховный Совет в том же составе «проштамповал» закон, запретивший колхозникам иметь живность. Предполагалось, что таким образом удастся заставить их лучше работать в колхозах и тем самым увеличить производство сельхозпродукции.

Надо отметить, что до хрущевского запрета большая часть скота в СССР ютилась на подворьях. Приняв драконовский закон, Верховный Совет пустил этот скот под нож, и его поголовье в стране резко сократилось. Но Верховный Совет не сам разрабатывал законопроекты, он послушно исполнял волю партийной бюрократии. Все было похоже на практику нынешней Государственной Думы: законопроекты разрабатываются в администрации президента и, внесенные президентом, проходят через парламент со стопроцентной вероятностью. А тогда Хрущев решал, Политбюро одобряло — Верховный Совет без обсуждения голосовал «одобрямс». В нем не было ни дискуссий, ни нынешней «карманной» оппозиции.

«Реформатора» Хрущева коллеги от власти отодвинули, но людям что-то надо есть! Прежних буренок зарезали, а новых плодить некому. Тогда новая власть в лице Леонида Брежнева и его сотоварищей отыграла назад, позволила колхозникам заводить домашний скот. Маневр не удался, колхозники уже не захотели иметь скот. Рано вставать, животных кормить, сено заготовливать, да еще на мясокомбинат животных не сдать — всегда очередь. И боязно — вдруг опять запретят. Если до запрета в какой-нибудь деревне было сто голов крупного рогатого скота, то после его отмены три-четыре.

И у нас, студентов, возник вопрос: что же это за депутаты — избранники народа, которые единогласно голосуют за то, чтобы скот — под нож, а потом, спустя не-

сколько лет, также единогласно за то, чтобы разрешить его держать? Кто наш депутат? Давайте пригласим его на комсомольское собрание, пусть отчитается о своей деятельности. Тем более что такие отчеты закон позволяет. Будем исполнять его на практике.

Вынесли это предложение на комсомольское собрание потока. Таких бурных споров я никогда не слышал. Ребята смело держали крамольные речи. А на задней парте примостился тот самый преподаватель научного коммунизма, который меня перевоспитывал. Он что-то бегом строил в блокнотике, а когда собрание закончилось, побежал в партком. Партком по тревоге собрался поздно вечером. Признали, что в институте имеет место «белый бунт», его зачинщик — заместитель комсомольского секретаря по идеологии, то есть я. Решили выгнать меня с «волчьим билетом», девятерых активных ораторов тоже представить на отчисление, а нашу группу расформировать.

Такой была в СССР свобода слова и собраний. К счастью, все обошлось благополучно. Возможно, это было связано с тем, что ректору за «белый бунт» пришлось бы отвечать перед райкомом партии. Зачем тогда сор из избы выносить? А может, наш секретарь парткома просто порядочным человеком оказался. Не знаю.

У меня был друг — Виктор Тихий. Его невеста со школы дружила с дочкой секретаря нашего парткома, они жили рядом в пригороде Ленинграда, в Красном Селе. Виктор позвонил мне тем вечером и говорит: «Дуй к нам. Девушки упростили отца с тобой переговорить». На ночь глядя я поехал за город к секретарю парткома домой. Ничего ему не сказал против своей совести, выложил все, как думал: неправильно, когда депутаты безответственны, нельзя принимать решения, не просчитав последствий, и, вообще, нам нужно мир изменить, сделать его честнее. Он слушал молча. На следующий день решение парткома пе-

реписали. Нашу группу расформировывать не стали. Дело замяли, дали мне закончить институт, но из заместителей по идеологии выгнали. С парламентским «одобрямс» мы разобрались позже, когда наступило время «перестройки» и прошли первые свободные выборы депутатов Верховного Совета РСФСР.

Житие при советской власти

Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать.

Петр Чаадаев

Лучше всего характеризует жизнь при советской власти слово «дефицит». Дефицит всего и вся. Этого не понять людям, ставшим взрослыми после краха СССР. Простой человек не мог купить себе достаточно продуктов, приличной одежды и обуви. Можно было кое-что приобрести на колхозном рынке, но цены там были заоблачные, а зарплата у людей — мизерная.

Предприятия также находились в тисках дефицита. Не хватало сырья, оборудования, комплектующих изделий. Но если заводам и фабрикам хотя бы спускались лимиты и наряды Госснаба, по которым они могли что-то требовать от поставщиков, то граждане должны были все «доставать», то есть ловчить, искать блат или выстаивать в огромных очередях, часто без всякой надежды, что им что-то достанется.

Приходя в универмаг и видя очередь, советский человек не спрашивал, за чем стоят. Он занимал место в очереди и только потом шел узнавать, насколько для него

этот дефицит актуален. Даже если какая-то вещь ему сейчас была не нужна, он покупал ее впрок. Так, у моей тещи было штук сто кусков хозяйственного мыла. И если бы в магазине «выбросили» его вновь, она бы еще купила, благо мыло есть не просит, а в хозяйстве пригодится.

Возникала ситуация, которая поражала иностранцев: в магазинах пусто, а в гости придешь — на столе достаточно еды. Запасы каждой семьи, умноженные на число семей в масштабах страны, выливались в миллионы штук, пар, тонн, кубометров. У моей соседки-пенсионерки в шкафу хранилось 30 пачек индийского чая, у коллеги по работе в чулане гроздьями свисала туалетная бумага. Справиться с таким искусственным спросом никакая промышленность не в состоянии. Если не работает «невидимая рука рынка», а цена ниже уровня равенства спроса и предложения, то «черная дыра» ажиотажного спроса не закроется.

В условиях рынка при повышении спроса цены автоматически повышаются, ограничивая его. В экономике это называется «эластичностью спроса по цене». Когда же цены искусственно зафиксированы, а товар в дефиците, никто не думает о соотношении цены и качества. Есть возможность купить — покупай!

На третьем курсе института я завербовался в геологическую партию в Сибирь — копать шурфы и попутно работать поваром. По берегам Енисея мы собирали содержащие углерод древние останки, чтобы изотопным методом определить возраст пород. Проработав все лето, я получил расчет и по дороге в Ленинград заехал в Москву. Хотел купить новые туфли. Обегал весь город — не удалось. Шел тогда 1965-й год.

Сегодня парень, пригласивший девушку в кафе, даже не задумывается, где найти свободный столик. Кругом полно мест. А когда я был студентом, у нас на весь район было одно кафе «Невские зори», и в нем девять сто-

ликов. Для того чтобы попасть в него вечером, надо было простоять в очереди часа два — чтобы выпить кофе, но не поговорить. Ибо столики были на четвертых, и официант всегда, не спрашивая, подсаживал к вам еще одну пару.

Когда приоткрылся железный занавес, и в СССР стали допускать иностранных туристов, образовался нелегальный рынок скупки и перепродажи импортных шмоток. Молодых людей, делавших на этом свой бизнес, называли фарцовщиками. В моей группе было несколько ребят, которые скупали у интуристов эластичные носки и перепродавали, получая, по нашим меркам, просто сказочный доход. Фарцовщики промышляли у гостиниц, где их отлавливали дружинники-комсомольцы. А милиция фарцовщиков «крышевала» и, получив отступные, отпускала.

Люди думали одно, говорили другое, делали третье. Это называли двоемыслием. Оно затрагивало и быт. Пресса призывала «жить честно», терпеть все тяготы дефицита, а работники сферы торговли делали на дефиците огромные деньги. Я оказался свидетелем сценки в здании народного суда, когда судьи и их помощники, побросав дела, на черной лестнице покупали импортные туфли у женщины, имевшей связи в обувном магазине. И судьи, которым завтра, возможно, придется судить эту, как тогда говорили, спекулянтку, благодарили ее и переплачивали две-три цены, не чувствуя угрызений совести.

Советский человек теоретически купить мог автомашину. Но для этого ему нужно было стоять в очереди лет пятнадцать. Кому-то везло этот срок сократить, воспользовавшись квотой своего предприятия или льготой ветерана войны. «Жигули» первой модели стоили три с половиной тысячи рублей, а продать их на рынке можно было тысяч за десять. Но продавца поджидали сотрудники милиции, ведь продажа товара по свободной цене считалась

уголовным преступлением, за нее, если не откупишься, давали срок.

Партийная номенклатура, то есть чиновники высоко-го ранга, тягот дефицита не испытывали. Для них были открыты спецраспределители. Там можно было по смешным ценам приобрести модную импортную одежду, радиоприемники, магнитофоны. Это был настоящий рай для начальства, там продавалось то, что простому человеку было недоступно, например копченая колбаса. Это сейчас в супермаркете десятки ее сортов, а тогда многие даже не знали ее вкуса.

Наличие спецраспределителей скрывалось. Цензура вымарывала фразы о них из газет и литературных произведений. У этих заведений отсутствовали вывески, вход был со двора, где дежурили милиционеры, имевшие право задержать излишне любопытных. Проход — только по пропускам, которые для их обладателей были важнее всего на свете. Привилегии охранялись строго. В обкоме КПСС рядовой член КПСС мог попасть в любой кабинет, но только не в столовую — то была святая святых обкома.

Пожилые ленинградцы рассказывали, что спецраспределители сохранялись и во время блокады Ленинграда, когда люди ели не только крыс, но и плоть умерших земляков. А партийные бонзы пили коньяк и закусывали свежими фруктами. О спецраспределителях знали многие, но предпочитали молчать. Они исходили из того, что по-другому быть не может: у царя был царский огород и царские колбасы, теперь они у генсека и его людей, Мы же будем довольствоваться тем, что у нас есть. Растили на своих дачных участках картошку и лук — тому и радовались.

Чем же был вызван всеобщий дефицит? Что касается продуктов питания, то он — следствие сталинской коллективизации, когда наиболее предприимчивых и трудо-

любивых крестьян раскулачили, выслали в Сибирь или расстреляли. В деревнях остались ленивые, которые за «галочки» трудились в колхозах, точнее, делали вид, что работали. А что можно было ждать от новых крепостных? В ходе индустриализации заводам потребовались рабочие руки. Работать за «галочки» в колхозе и жить впроголодь молодые парни не хотели и, отслужив в армии, всеми правдами и неправдами оставались в городах. В итоге деревня осталась без работников. На черноземах в СССР колхозники умудрялись получать вдвое меньше урожай, чем немцы до войны — на суглинках Восточной Пруссии.

Непоправимый ущерб деревне нанес голодомор 1932–1933 годов, когда голод, вызванный конфискацией всех продовольственных запасов у крестьян, привел к смерти миллионов крестьян. В приговоре киевского суда от 13 января 2010 года по делу организаторов голода (Иосифа Сталина и других представителей власти СССР и УССР) приведена цифра 3,9 млн человек. На голодную смерть людей обрекали, чтобы выполнить планы по индустриализации, торопясь в обмен на зерно завезти из Германии промышленное оборудование.

Проблема дефицита продовольствия обострилась в середине 1950-х годов. Прокормить разросшееся городское население колхозная деревня уже не могла. Но правящей партийной номенклатуре повезло — в Тюмени открыли богатые месторождения нефти. Правители СССР увидели выход в том, чтобы экспортировать нефть и покупать хлеб за рубежом. В Канаду и США пошли танкеры с нефтью, обратно — с зерном. В СССР из него выпекали хлеб или скармливали скоту. Этим и закрывали брешь. Но не полностью, дефицит остался. В Новосибирске, где мне пришлось работать в конце 1980-х годов, мы могли купить по талону на месяц два килограмма мяса на семью.

Про «колбасные электрички» барды слагали песни. Это были электрички из соседних с Москвой областей, битком набитые людьми, ехавшими в столицу купить колбасу. Власти не хотели портить витрину социализма в глазах иностранцев, поэтому Москва и Ленинград снабжались по повышенным нормам. В других городах с продовольствием было намного хуже.

Если жизнь при советской власти оказывалась такой тяжелой, то почему значительная часть россиян сегодня хотела бы вернуться в прошлое, жить при социализме? По данным социологов, об этом говорят и молодые люди, социализма не нюхавшие. Одна из причин — влияние семьи, стариков. «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли, фонтаны били голубые и розы красные цвели». Тяготы жизни в те годы ложились на родителей, а жизнь юных была полна впечатлений. Об этом своем ощущении радости жизни бабушки сегодня рассказывают внукам. И почему им не верить? Но к реалиям тогдашнего положения страны эти ощущения отношения не имеют.

Административно-командная система

Как только правительство начинает управлять, это расстраивает естественное равновесие промышленных отношений, и каждое вмешательство требует большего бюрократического контроля, пока не заканчивается тиранией тоталитарного государства.

Адам Смит

Если дефицит продовольствия можно объяснить неэффективностью колхозно-совхозной системы, то чем был

вызван дефицит сырья и оборудования? Что это была за экономика? То, что мы имели в СССР, называть экономикой трудно. Ведь экономика — это деньги, цены, банковские проценты, прибыль и, главное, рынки — регуляторы экономической деятельности. А они у нас отсутствовали. Их место занимала бюрократическая вертикаль — иерархия начальников, координировавших хозяйственную деятельность с помощью приказов и распоряжений. При фиксированных, предписанных государством ценах не имела реального значения эффективность капиталовложений: «Что начальство приказало, то и будем строить». Денежное обращение носило сугубо подчиненный характер, рубли были «деревянными», на них, не имея лимитов и нарядов, предприятия ничего не могли приобрести. Эту систему правильнее называть не экономикой, пусть даже социалистической, а административно-командной системой.

Интересы людей, работавших в административно-командной системе, толкали их на контрпродуктивные действия. Можно было бы сказать аморальные или неестественные. Но почему неестественные? Допустим, вы — прораб и получаете задание выкопать канаву. Начальство не знает, какой там грунт — песчаный, глинистый или скалистый. И вы не знаете. Вас спрашивают: сколько вам нужно землекопов? Понимая, что от того, будет выкопана канава в срок или нет, зависит ваша карьера, вы запросите больше рабочих. И чем больше, тем лучше. Поведение вполне рациональное.

Если грунт окажется легким, вы скажете рабочим, чтобы они не торопились. Срок дан — 3 дня, значит, 3 дня, и будем копать с перекурами. И вам нельзя признать неоправданность заявленного числа землекопов, испортите свой имидж в глазах начальства.